

tells about the tragic destinies of the poor, trying to provoke sympathy of successful people for "humble folk". The main goal of these essays which are full of lyricism is propagation of kindness and Christian charity. The artistic

methods of so-called "Natural school" which was coming into being at that time are evident in these essays.

Key words: magazine, spiritual essays, good, christian grase.

УДК 821.0

Тарасова М.Р.

ФЕНОМЕН ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И.А. ИЛЬИНА*

Аннотация: Автор статьи реконструирует понятие литературной критики в интерпретации И. А. Ильина, систематизирует задачи и требования, которые формулировались философом применительно к данному виду научно-художественной и коммуникативной деятельности, показывает, как программно-теоретические установки преломлялись в конкретной литературно-критической практике И. А. Ильина.

Ключевые слова: И. А. Ильин, литературная критика, чтение, эстетический предмет.

И.А. Ильин не дает определения критики как таковой. Однако, суммируя отдельные его высказывания, можно очертить следующий объем содержания для данного понятия в его интерпретации: критика, по Ильину, – человеко-, и тайноведение, свободное созерцание и осмысление Главного сквозь призму художественного произведения. «Главное» здесь – эстетический предмет, или просто Предмет – последняя, религиозная глубина мира и человека, их духовная сущность, истина того, что носит название вещей. Именно этой глубиной И. А. Ильин измеряет литературу и искусство, и только предметное искусство, в его представлении, имеет право быть художественным.

Подобный подход обуславливает соответствующие требования к критике и критикам. Эти требования И. А. Ильин формулирует во введении к книге «О тьме и просветлении» (написана в 1939, опубликована в 1959 году). Изначально фиксируя двуединство процесса чтения-критики (введение так и называется «О чтении и критике»), И. А. Ильин утверждает, что чтение в принципе – особое искусство, своего рода «художественное ясновидение» [1], в связи с чем любому читателю, а критику тем более, вменяется в обязанность развивать в себе эту способность.

Какое же чтение, по мнению И. А. Ильина, дает право на критику? «Читать, – пишет он, – значит: верно и чутко воспринимать ткань слов (эстетическую материю), легко и покорно усваивать творческое видение художника (его эстетический акт), точно и легко воспринимать описываемые им картины внешнего и внутреннего мира (эстетические образы) и с духовной зоркостью проникать до того главного помысла, из которого рождено все произведение (до эстетического предмета)» [2].

Исходя из того, что критик – профессиональный, или, иначе, художественно-аналитический читатель, на него возлагается двойная ответственность за полноценное восприятие произведения. Критик, по Ильину, должен пройти от слова через образ к предмету и обратно – от предмета через образ к слову, – не только интуитивно, чувством, воображением и волей, но и сознательной мыслью; он должен свести все к главному и опять развернуть все из главного, следуя за указаниями автора; «как бы *вобрать все произведение в его собственное художественное солнце*, а потом проследить, пронизывает ли оно своими лучами все свои образы и всю свою словесную ткань» [2]. Критик должен воспринимать произведение целостно, как воплощенную тайну... При этом он должен испытывать предметные обстоятельства (термин Ильина. – М. Т.) в самостоятельном личном опыте *до того*, как он станет верным и чутким читателем конкретного автора. Тогда он сможет созерцать «несказанный и вот все-таки во-ображенный и высказанный Предмет» [2]. Только тогда Предмет «сработает» как основной критерий, которым измеряется

Исходя из того, что критик – профессиональный, или, иначе, художественно-аналитический читатель, на него возлагается двойная ответственность за полноценное восприятие произведения. Критик, по Ильину, должен пройти от слова через образ к предмету и обратно – от предмета через образ к слову, – не только интуитивно, чувством, воображением и волей, но и сознательной мыслью; он должен свести все к главному и опять развернуть все из главного, следуя за указаниями автора; «как бы *вобрать все произведение в его собственное художественное солнце*, а потом проследить, пронизывает ли оно своими лучами все свои образы и всю свою словесную ткань» [2]. Критик должен воспринимать произведение целостно, как воплощенную тайну... При этом он должен испытывать предметные обстоятельства (термин Ильина. – М. Т.) в самостоятельном личном опыте *до того*, как он станет верным и чутким читателем конкретного автора. Тогда он сможет созерцать «несказанный и вот все-таки во-ображенный и высказанный Предмет» [2]. Только тогда Предмет «сработает» как основной критерий, которым измеряется

* © Тарасова М.Р.

произведение: «Чем духовно значительнее предмет и чем художественнее его образная и словесная риза, тем более велик художник, тем глубже его искусство, тем выше его место в национальном и мировом пантеоне» [2]. Критерием истинности самого Предмета становится при этом тот духовный трепет, который охватывает человека, «как если бы он стоял перед великой тайною или перед чудом Божиим» [2]. Без такого трепета, без благоговения и тайночувствия, по Ильину, культура, в том числе литература и искусство, вырождаются [3].

Итак, критик у И. А. Ильина – профессиональный, художественно-аналитический читатель, жаждущий предметности в жизни и литературе. Отсюда вытекают определенные задачи критики. Первая из них сводится к необходимости в каждом конкретном случае решать вопрос о «совершенстве-несовершенстве» произведения. Этот вопрос не решается субъективным «нравится – не нравится». Художественное произведение не измеряется также нехудожественными мерилками – партийными, конфессиональными или иными. «Искусство имеет *свое* измерение: измерение *духовной глубины и художественного строя*. Именно это измерение обязательно для всякого художественного критика» [2]. Критик должен обнаружить (или не обнаружить) «художественный предмет», то Главное, из чего выросло и чему служит произведение; постичь Предмет, осуществляя художественную встречу с автором, – важнейшая задача критика. Вторая его задача – обосновать свое суждение: критик должен быть доказательным и убедительным. При этом, поскольку критик имеет дело «с законченным произведением, которое говорит само от себя и само за себя», он может, как считает Ильин, «*не обращаться с тем автором, о котором он пишет. Ибо, в сущности говоря, он пишет не о человеке, а об его художественных произведениях*» [2]. «Непозволительно умозаключать от свойств художественного акта к общему душевному состоянию или к жизни данного автора и обратно», – предупреждает И. А. Ильин [2].

Критика в целом, по Ильину, должна нести эмоционально-волевой заряд любви, обусловленный личной причастностью критика судьбам отечества, его субстанциальной близостью с единым национальным «мы»: такая критика, по мнению Ильина, ни навредить, ни разрушить не может, даже если будет гневной по своему пафосу и резкой по форме [4]. Данный принцип хорошо иллюстрирует

положительное мироощущение И. А. Ильина, волевою, творчески-активную установку его личности. Как писал В. В. Зеньковский, «приятие мира, живая и творческая обращенность к нему определяют его (Ильина. – М. Т.) основную позицию – и в этом пункте Ильин примыкает ко всей русской религиозной мысли, которая – за исключением Л. Н. Толстого – всегда была проникнута принципиальным мироутверждением» [5]. Перечисленные особенности (положительное мироощущение, воля, активная жизненная позиция) принципиальны для определения подходов И. А. Ильина к литературной критике, осуществляющей, по его мнению, «цензуру» предметной необходимости [6].

Являясь посредником между писателем и читателем, литературой и жизнью, критик, в осмыслении И. А. Ильина, призван видеть вместе с художником предметную тайну, которую тот воплощает, призван видеть саму творящую душу художника, помогая тем самым публике понять художника, воспитывая ее к серьезному и чистому восприятию искусства. «Задача настоящего критика, – уточняет И. А. Ильин, – состоит в том, чтобы вскрыть и показать строение художественного акта, характерное для данного художника вообще и далее именно для данного, разбираемого произведения. Ибо у большого художника акт гибок и многообразен. “Евгений Онегин” написан совсем из другого художественного акта, чем “Полтава”; “Пророк” и “Домовой”, “Клеветникам России” и “Заклинание” исполнены как бы на разных духовных “инструментах”. Вскрывая это, критик помогает читателю и слушателю внутренне приспособиться и раскрыться для данного поэта и данного произведения; ибо душа, настроенная слушать балалайку, бывает неспособна внимать органу» [7].

При этом имеющий в себе истинное призвание художественный критик должен уметь настроиться на любой исследуемый предмет: «Подобно великому художнику <...> истинный критик способен вместе с Овидием и Сафо любить, с Шекспиром – напрягать волю и действовать, с Тютчевым и Эйхендорфом – созерцать ночную вселенную, с Кюнан Дойлем – идти по эмпирическим следам-отпечаткам преступника. В его распоряжении должно быть множество художественных очков; он должен потенциально владеть всеми языками духа, всеми душевными модуляциями художественного акта», отличая при этом «художественно превосходное от художественно неудачного» [8].

Не стоит говорить о том, что критик должен быть конгениален художнику, должен говорить «из предметного созерцания, уловив художественную необходимость в его произведении» [6]. Тот критик, который «застрял во внешностях снобизма, в условиях отвлеченной формы, в аутических выдумках», который «идет в своих разглагольствованиях *мимо* главного», достоин, по слову И. А. Ильина, пренебрежения, хотя, как известно, «именно эта болтовня нередко влияет на публику и руководит ее мнением» [6]. Критик в представлении И. А. Ильина должен быть независим от моды, авторитетов, предвзятых суждений, он должен быть честен, предметно-прозорлив и ответственен, его суд – мужественный, сильный и глубокий – имеет большое значение для судеб России.

Обобщая свои требования к литературной критике, И. А. Ильин пишет:

«Художественный критик должен быть, прежде всего, опытным созерцателем духовного предмета, мастером художественного восприятия. Он должен уверенно и творчески проникать вглубь, к замыслу, к художественному предмету, владеющему данным произведением; с тем, чтобы дважды пройти эту дорогу – первый раз от эстетической материи к образу и предмету, второй раз обратно, от художественного предмета к образу и к эстетической материи. Тогда перед ним раскроется верность и цельность разбираемого произведения, или соответственно – его неверность и нецельность, которую он и сможет убедительно и показательно установить для автора и для воспринимающей публики. Только так он может разрешить ту задачу, к которой он призван: помочь автору в его искании художественного совершенства и помочь читателю-зрителю в его искании художественного восприятия и предмета. Для этого критик должен быть мастером акта и созерцания, верным “чтецом” образа и материи, непритязательным и неподкупным учителем духовного опыта» [2]. В целом, И. А. Ильин выступает за настоящую ответственную и неподкупную, духовно зрячую и философски обоснованную художественную критику [9].

Таковы программно-теоретические требования И. А. Ильина к литературной критике. На практике, преломляясь сквозь призму конкретной личности, в конкретной культурно-исторической ситуации и среде, они приобретали неповторимое своеобразие, характеризующее творческую индивидуальность Ильина в данной сфере деятельности. Уточняя особенности литературной критики

И. А. Ильина, которую методологически он сам определяет как эстетически-художественную, отметим следующее.

Эстетически-художественная критика И. А. Ильина генетически связана с предыдущей, в частности, средневековой культурной традицией, которая, как известно, определялась религиозным мировоззрением. И хотя И. А. Ильин утверждает, что нельзя мерить художественное произведение нехудожественными мерилami, профессиональными в том числе, вся логика его размышлений ведет к тому, что последняя духовная глубина того или иного опуса может быть доступна только верующему человеку. Мировоззренческое задание в критике И. А. Ильина налицо, с той существенной оговоркой, что если для средневекового религиозного сознания характерны исключительно внеэстетические (теологические) критерии и оценки, то в критике И. А. Ильина религиозная философия соединилась с эстетикой, а анализ и самоанализ получили в ней права методологического гражданства.

Критика И. А. Ильина синтетична, она обобщает его опыт и знания в самых разных сферах, являясь формой выражения определенных философских, политических, социальных, эстетических идей. При этом И. А. Ильин не просто информирует – он просвещает, учителствует, ведет, проповедует и даже пророчествует, что вполне соответствует пафосу традиционной русской культуры на всех этапах ее существования. Критика И. А. Ильина, по сути, нормативна: категории долженствования занимают в ней существенное место. Отмеченная нормативность порой влечет за собой некоторую однозначность, категоричность суждений, нетерпимость, резкость тона. Отсюда, видимо, и прием упрощения, «выпрямления» взглядов оппонента (известный со времен пророка Аввакума и эстетиков XVII века), которым широко пользуется И. А. Ильин.

Мировоззренческий максимализм, граничащий с монополией на истину, обуславливает максимализм литературно-критической позиции И. А. Ильина. Ф. А. Степун объясняет это так: «... Люди, чуждые христианству, часто упрекают христиан в нетолерантности и заносчивости, не понимая, что, признавая евангельскую истину за богооткровенную, невозможно одновременно считать ее относительной, ибо ни Бог не может противоречить самому себе, ни люди Ему. Для христианского сознания все истины стоят в определенном отношении к Божьей: они или пророчески подводят к Богу, или изменнически уводят от

Него; относительных же истин в смысле истин безответственных перед откровенной истиной христианство по всей своей сущности признавать не может. И тут дело не в заносчивости христиан, а в вознесенности христианской истины над миром исторических относительностей» [10].

Максимализм И. А. Ильина имеет и другое объяснение. Вспомним, какой масштаб приобрели просоветские симпатии и настроения в предвоенной Европе, в том числе в Берлине, где после эмиграции обосновался И.А. Ильин [11]. Сила действия, как известно, рождает силу противодействия: «...жар нападения должен быть соразмерен степени вреда для вкуса публики, степени опасности, силе влияния, на которые вы нападаете», – писал в свое время Н.Г. Чернышевский [12]. Распространение советской идеологии И.А. Ильин воспринимал как смертельную опасность. Он не мог рассуждать и действовать иначе как на пределе всех своих возможностей, утверждая идею духовного возрождения в данной ситуации.

Эмоциональность, страстность (и пристрастность) И.А. Ильина в сочетании с рационально-логическим, аналитическим началом формируют еще одну особенность его критики. Причем обе эти составляющие, каждая по-своему, обуславливают стилистическую чрезмерность, избыточность его критики. Важнейшими особенностями критики И.А. Ильина являются также ее публичность, публицистичность, диалогизм. Не случайно И.А. Ильин тяготеет к таким жанрам, как лекция, речь, не случайно многим его публикациям предшествуют выступления «вживую» в самых разных, как правило, многочисленных аудиториях.

Литературную критику И.А. Ильина характеризуют масштабность, системность и целостность мышления. И.А. Ильин привержен той национальной традиции, точкой отсчета которой являются начальные слова Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1, 1). «Жить в пространстве “осевого словесноцентричного времени”, – пишет исследователь, – значит многое. Это значит, что по фундаментальным духовным ценностям наше время и время Кирилла одно и то же: оно сохраняет существенные ориентиры мировидения и свойства “нашей” душевной бодрости, сформировавшиеся задолго до нас» [13]. И.А. Ильин осознавал это; его критику стимулирует не столько чувство нового, сколько предчувствие вечности в ее связи с базовой

русской культурной традицией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь: Книга раздумий // Книга раздумий. – М., 2007. – С. 8.
2. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 1. – С. 191, 193, 202, 203, 191, 193, 195, 196, 180-181.
3. См.: Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. – М., 2002. – С. 205.
4. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1993. – Т. 1. – С. 199.
5. Зеньковский В. В. По поводу книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силой» // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. – М., 1996. – Т. 5. – С. 426.
6. Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1994. – Т. 3. – С. 450, 455.
7. Ильин И. А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Собр. соч.: В 10. – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 1. – С. 111.
8. Ильин И. А. Современная русская художественная литература // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1997. – Т. 6. – Кн. 3. – С. 206.
9. Ильин И. А. Творчество Мережковского // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 2. – С. 169.
10. Степун Ф. А. Портреты. – СПб., 1999. – С. 85.
11. См.: Шлэгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945). – М., 2004. – С. 248.
12. Чернышевский Н. Г. Избранные эстетические произведения. – М., 1973. – С. 390.
13. Карпенко Г. Ю. Возвращение Белинского: Литературно-художественное сознание русской критики в контексте историсофских представлений. – Самара, 2001. – С. 4.

M. Tarasova

PHENOMENON OF LITERARY CRITICISM IN INTERPRETATION OF I. A. ILYIN

Abstract: The author of clause reconstructs concept of literary criticism of I. A. Ilyin's interpretation, systematizes problems and requirements which were formulated by the philosopher with reference to the given kind of scientifically-art and communicative activity, shows, how theoretical installations refracted in I. A. Ilyin's concrete literary-critical practice.

Key words: I.A. Ilyin, the literary criticism, reading, aesthetic subject.